

—А тем временем в ближайшем и, казалось бы, надёжном окружении Гострема стали обнаруживаться слабые звенья. От него вдруг ушёл Круковер. И не просто ушёл, а к злейшему врагу Гострема - Альберту Кузьмичу Прицу, на кафедру теорфизики, да ещё и квартиру Гострему не оставил. Лысый, носатый, фиксатый Михаил Исаакович Круковер имел типичную внешность еврея, хотя числился по паспорту русским и приехал в Ладушкин по персональному приглашению Гострема - ярого антисемита (по долгу службы, впрочем), знавшего его каким-то образом по Иркутску. Круковер был в разводе, то есть семьи не имел, и тем не менее получил от Гострема в Ладушкине двухкомнатную квартиру. В обсерватории Круковер возглавил сектор разработок, в который кроме него поначалу входил только Юра Саенко. Однако никакими разработками Круковер непосредственно не занимался - он строил планы. Планы грандиозной жизни при Гостреме. Предлагал нам, например, построить парники в обсерватории или заняться кролиководством.

—Нельзя сказать, чтобы он совсем ничего не делал. На меня он производил впечатление грамотного радиоинженера, но был ли он в действительности таковым - я теперь затрудняюсь сказать. Во всяком случае он вовсе не был склонен к возне с аппаратурой, да и к любой кропотливой, планомерной работе, в отличие, скажем, от Шагимуратова или Тихомирова. Его тянуло куда-то ввысь, не то к науке, не то просто к авантюрам.

—В своём роде он был романтик, увлекающаяся натура, именно он сосватал Гострему своего приятеля Осипова в качестве заказчика и тем во многом повлиял на научные судьбы обсерватории, в том числе и на мою собственную. Он пытался быть активным помощником Гострема в его начинаниях, но как-то не находил себе места.

—У Круковера был свой старенький горбатый "Запорожец", который он одно время впахивал в тихомировский сарай рядом с моим мотороллером. Гострем повадился использовать Круковера как личного шофёра. Непонятно было, как Гострем умудрялся складываться и помещать свои длинные ноги в круковеровском клопике, но, во всяком случае, неудобств он, похоже, не испытывал, поскольку эксплуатировал Круковера и его машину почём зря - надо и не надо. Круковеру это в конце концов надоело, и под видом поломки машины он перестал ездить на своём "Запорожце".

—Отнюдь не на последнее место Круковер ставил вопросы зарплаты. Одно время он вместе со мной и с Юрой Саенко получал деньги за работу по совместительству в университете. Однако длилось это недолго, лавочка закрылась, а других источников Гострем не открывал, хотя и беспрерывно обещал грядущие блага, включая квартиру в Калининграде. Выполнять же эти обещания он не спешил, что и вызвало у Круковера глубокое разочарование. Думаю, что Гострем обещал Круковеру и диссертацию, а тот не сразу понял, что это дело не такое уж простое даже и при гостремовской поддержке.

—Тем временем Круковер женился (они с Шагимуратовым женились летом 1971 года на подружках-врачах). Жена его, Ирина, работала в Зеленоградске и занимала комнату в небольшом особнячке на берегу моря. Круковер затеял с её соседями обмен на свою ладушкинскую квартиру (в обход Гострема, разумеется), который удался, в результате чего Круковеры заняли весь особнячок у моря. Тем самым Круковер вырвался из Ладушкина, где он был привязан к обсерватории, и откуда менее удобно ездить в Калининград, вздумай он там работать, чем из Зеленоградска, куда поезда ходили намного чаще и быстрее. Гострем был вне себя. Круковер его надул, оформив обмен за его спиной, подписав необходимые бумаги в одну из частых отлучек Гострема у замещавшего его Тихомирова. Гнев Гострема можно было понять - заменить Круковера недолгое дело, а вот потеря квартиры была совсем ни к чему, их и так уже свободных не осталось, к тому же за домом не удалось сохранить статус ведомственного, он принадлежал теперь горисполкому, но с некоторыми правами обсерватории на освобождающуюся площадь. Круковер же лишил Гострема возможности этими правами воспользоваться.

— Обменявшись, Круковер ушёл из обсерватории, как я сказал уже, к Прицу. Почему именно к Прицу? Возможно, по родственности душ. Всем троим, кстати, - Гострему, Круковеру и Прицу, были присущи некоторые общие качества: энергичность, прожектёрство и авантюризм, делавшие их похожими друг на друга, причём каждый из них считал двух других жуликами. У Прица Круковер, кажется, должен был проводить эксперименты по ускорению выращивания огурцов биофизическими методами или что-то в этом роде. Но и у Прица Круковер долго не задержался, ушёл в Институт океанологии, а оттуда в АтлантНИРО, обменяв по ходу дела свой особнячок в Зеленоградске на верхнюю половину огромного особняка в Калининграде каким-то тройным обменом через Смоленск, после чего исчез с нашего горизонта, всплывая случайно то среди членов жюри собачьей выставки на стадионе "Балтика", то торговцем гипсовыми масками на Центральном рынке.

— А вскоре разгорелся ещё один конфликт - началась война Гострема с Багно и Осиповым. Юра Багно уже два года числился очным аспирантом Гострема. Он упорно занимался аэрозолями в Д-области ионосферы, контактируя с остальным окружением (университетским и обсерваторским) не по работе, а только в процессе выпивок. Его целью была диссертация, и ничего другого он знать не желал. Научное руководство его работой осуществлял, разумеется, Осипов, хотя числился научным руководителем Гострем.

— Пока Осипов был нашим заказчиком, Гострем благосклонно относился к частым встречам и тесным контактам Багно с Осиповым, не препятствовал командировкам первого в Москву, радушно встречал второго в Калининграде. Но когда наша тема, пресловутый "Квадрат", перешла из РТИ в "Вымпел", и представителем заказчика стал некто Томашук, а Осипов перестал быть для нас официальным лицом, отношение к нему Гострема резко переменялось.

— Гострем стал демонстративно выражать недовольство пьянками Осипова в периоды его пока ещё продолжавшихся наездов в Калининград, куда Осипов считал себя обязанным приезжать для проведения консультаций с Багно, Костей, Никитиным, находя в них одновременно учеников, коллег и собутыльников. Багно было категорически запрещено встречаться с Осиповым в рабочее время, а вскоре Гострем запретил ему и командировки в Москву, Юра был фактически поставлен перед выбором - Гострем или Осипов. Осипов к тому времени перешёл работать из РТИ в ИЗМИРАН, старшим научным сотрудником в отделе Натальи Павловны Беньковой, готовился к защите докторской. И он предложил Багно перейти в аспирантуру ИЗМИРАНа под его научное руководство, теперь уже вполне официальное.

— Багно, разумеется, согласился, так как понимал, что от Гострема польза может быть разве что рекламного характера, да и то ценой пресмыкания перед ним, тогда как диссертацию ещё предстояло доделать, написать и защитить, и в этом реальная помощь могла быть только от Осипова, а никак уж не от Гострема.

— Уж не знаю, как Багно сумел оформить перевод в аспирантуру ИЗМИРАНа. Наверное, как и Круковер, обошёл Гострема за его спиной, то есть воспользовался его отлучкой. Так или иначе, перевод состоялся. Гострем рвал и метал. Он поносил Осипова как последнего алкоголика на всех углах измирановских коридоров, разоблачал аморальный облик Багно, обхаживавшего якобы в корыстных целях дочку Натальи Павловны, работавшую в ИЗМИРАНе (Багно вроде бы и в самом деле покрутил с ней шашни), и т.д., и т.п. Но Гострема в ИЗМИРАНе не очень-то слушали. Что Осипов пьёт, и так все знали, и что Гострем сам трепло изрядное, тоже уже не было тайной... Но злопамятству Гострема ещё предстояло себя проявить, и благодаря ему Багно ещё много помаялся со своей диссертацией.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)